

НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ,

или Две встречи с одним художником

В НОВЬ побывать в поселке Усть-Таловка, у художника Бориса Морозова, я решил во время путешествия в Троице-Сергиеву лавру. Поклонившись мощам Преподобного Сергия Радонежского, основателя лавры, душой почувствовал «образ величайшего благообразия, правды и святости», я вспомнил, что за тысячи верст от Загорска, в убогом рабочем поселке на берегу чудесной Убы, живет художник, поклоняющийся этому святому. Вспомнился и суровый облик Преподобного на живописном полотне «Выбор». Сюжет из истории Куликовской битвы.

— Меня давно интересовала личность Сергия, — рассказывал художник. — Он благословил Дмитрия на это сражение с татарами, в помощники отправил двух монахов-схимников Пересвета и Ослябю. Пошли они без шлемов и панцирей, с белыми крестами на монашеской одежде.

Два года назад в морозовском «Выборе» я увидел стремление отыскать в прошлом, в Древней Руси, свои корни. Но почему именно Куликовская битва? Почему Сергей? «Он имел голубые магические плава». Да, ну и что? Удивительно в этом только то, что цвет глаз художник угадал прежде, чем прочитал о них в летописях.

После того, как побывал на Маковице Преподобного, прочитал его жизнеописание, стало ясно, что выбор Морозова не случаен. Тихий отшельник, Преподобный Сергей всю жизнь провел в труде и молитвах. На окруженной вековыми соснами возвышенности — Маковице — вместе с братом «сотвориста одриную хиизину», потом срубил келийку и «церквицу». До самой смерти своей, 600-летие которой будет отмечаться через два года, Сергей неустанно строил церкви. Святитель — плотник, он всю

мье отродясь не было. До всего Боря дошел сам. В бане шкафчик свой сделал, кровать поставил, вот там и мулявил себе, мулявил. Так и стал художником. На свою голову.

В моем столе хранится значок детской изостудии «Ласточка». Первые птенцы вылетели из морозовского «гнезда» больше двадцати лет назад. Многие сделали профессиональными художниками. Но уроки учителя помнят.

В ЭТОТ раз Усть-Таловка встретила запахом свежего хлеба и замком на двери морозовского дома. Где же искать художника? В школе узнаю, что изостудию давно вывели отсюда: «самим тесно». Новое помещение «Ласточки» далеко вату, в уродливой пятиэтажке. Подъезд. Войти опасно: первый этаж затоплен. Пахнет здесь уже не хлебом. Осторожно ступаю по разбитым унитазам, белеющим, точно айсбер-

Природу он ласково зовет матушкой, для него она бог, в ней все совершенно, ничего лишнего. Крестился Борис почти в сорок лет. Друген с семипалатинским церковным настоятелем отцом Федором. Философия отца Федора — в осознании божественной сути души человека. Поэтому постится отец Федор три раза в неделю. Он лицо духовное. А что делать нам, грешным?

— Вот ты, Борис, откуда берешь силы жить здесь?

— В город я не поеду. Суеты много, время жалко. Я привык к поселку. Согласен, это не пенаты. Но уже не могу долго не видеть нашу Убу. И людей наших люблю. Ценю одиночество, лучшее состояние для творчества.

Выгодные предложения у него были. Звали директором художественной школы в Усть-Каменогорск. Отказался. «Ну, какой я администратор? Я художник. Предлагаю тебе

Одному это не всегда удается. Легко испортить работу. Нужно, чтобы кто-то был рядом.

— Борис, покажи, наконец, Сергия. Где ты его прячешь?

— Прячу? Напротив...

Почти год Морозов работает художником в кооперативе «Радуга». Специализация — оформление интерьеров. На втором этаже Шемонаихинского ГПТУ-24 почти закончена работа над экспозицией «Древняя Русь».

— Сергей теперь там, — сказал Борис, а я про себя решил, что картину он отвез в училище, чтобы сделать копию.

С ПРАВА от кабинета «Комбайны» лучилась «Святая Русь». На фоне белокаменного храма многолюдная площадь. Белые, белые одежды. В центре разгоряченные работой мускулистые кузнецы, кующие славу и счастье России.

А вот и сам Преподобный. О, как цветет земля, на которой он стоит! Благоуханная родная земля. «Выбор» дополнен двумя новыми работами — «Кануны» и «Битва». Прекрасный триптих. Не сразу до меня доходит, что это совсем не копии, а подлинные и единственные работы Морозова.

— Они что — настоящие?

Художник согласно кивает.

— Да, я наклеил холсты на фанеру и смонтировал в стены. Ну, как они тебе?

— Да ты что?! Морозов невозмутим. Значит, это не шутка.

— Ты знаешь, что станет с картинами через неделю?

— Я не жалею. Каждый день на мои картины будут смотреть дети.

— Эти детки поцарапают их шилом.

— Мы работаем здесь уже второй месяц. Пока ни одной царапины.

— Да? Значит, напишут матерные слова, — не унимался я. — Нос гипсовой скульптуре они уже облупили.

— А разве лучше, ес-

Копия с фото — 1990. — 4 мая.

После того, как побывал на Маковице Преподобного, прочитал его жизнеописание, стало ясно, что выбор Морозова не случаен. Тихий отшельник, Преподобный Сергей всю жизнь провел в труде и молитвах. На окруженной вековыми соснами возвышенности — Маковице — вместе с братом «сотвориста одринуоу кизи-ну», потом срубили келью и «церквицу». До самой смерти своей, 600-летие которой будет отмечаться через два года, Сергей неустанно строил церкви. Святитель — плотник, он всю

жизнь, распушенности, всегда был умерен, прост и сдержан. Жил тихо и сурово, во всем подвывая пример братьям-монахам. Сам бревна таскал, носил воду в гору, молот ручными жерновами, пек хлеб, варил кашу, кроил и шил одежду, словом, был для всех «как купленный раб». От иноков требовал труда, запрещал выходить за подаянием. А сам всегда искал уединения, отказывался властвовать. «И достиг высшего... предпочтя внешней дисциплине — свободу и любовь».

По пути в Усть-Таловку вспоминаю подробности первой встречи с Морозовым. Помнится, спросил у него, как он стал художником? Борис рассказал, что в пять лет отец подарил ему расписного коня из папьемаше.

— Я ложился с ним в кровать и всю ночь с наслаждением вдыхал запах свежей масляной краски. В одно прозрачное утро проснулся с ясным желанием: буду художником.

Замечательно просто сказала о нем мать

назад. Многие сделали профессиональными художниками. Но уроки учителя помнят.

В ЭТОТ раз Усть-Таловка встретила запахом свежего хлеба и замком на двери морозовского дома. Где же искать художника? В школе узнаю, что изостудию давно выселили отсюда: «самим тесно». Новое помещенье «Ласточки» далековато, в уродливой пятиэтажке. Подъезд. Войти опасно: первый этаж затоплен. Пахнет здесь уже не хлебом. Осторожно ступаю по разбитым унитазам, белеющим, точно айберген. Картина в стиле позднего советского классицизма. Где-то рядом школа живописи. Конечно, закрыта. Уныло возвращаюсь. К счастью, Борис дома. «А я еще утром почувствовал, что будут гости, — говорил он. — Каким ветром?» Морозов все тот же. Открытое волевое лицо, суровый прямой взгляд, по-прежнему немногословен.

— Приехал еще раз взглянуть на твоего Сергея.

— Спасибо, что вспомнил... Ну, как ты?

Подхожу к знакомому полотну «В горах». Посредине страшной огненной «мешанины», где не осталось ни дерева, ни живой былинки, вечно и чисто сияют золотистые луковичы храма.

— Храм, — говорит художник, — это образ веры человека, веры единственно верной и непоколебимой.

Все его новые работы, по-моему, шедевры. Спрашиваю, как у него получается, что эти картины так прозрачны, чисты и воздушны?

— Совсем неважно, какая здесь техника, — отвечает художник.

А что делать нам, грешным?

— Вот ты, Борис, откуда берешь силы жить здесь?

— В город я не поеду. Суеты много, время жалко. Я привык к поселку. Согласен, это не пенаты. Но уже не могу долго не видеть нашу Убу. И людей наших люблю. Ценю одиночество, лучшее состояние для творчества.

Выгодные предложения у него были. Звали директором художественной школы в Усть-Каменогорск. Отказался. «Ну, какой я администратор? Я художник». Предлагали кресло директора в Музее искусств. «Я сразу отказался. Зачем мне? Каждый человек должен быть на своем месте».

...Очень давно стареющий митрополит Алексей искал, кому передать кафедру по смерти. Выбрал Сергея Радонежского. «Когда явился Сергей, то Алексей велел принести золотой «парамандный» крест митрополичий, отдал святой просто ответил:

— От юности я не был златоносцем, а в старости тем более желаю пребывать в нищете...

Убедил Алексея, что и для церкви лучше, если он будет делать свое дело».

Не соблазнило Морозова звание члена Союза художников. Готовился, впрочем, к вступлению. Да фотографии не тех размеров принес, документы не все собрал, а после разозлился и уже без иноческого смирения сказал: да пошли вы...

— Значит, ты в полном порядке?

Художник печален: — Друзей близких ря-

они тебе?

— Да ты что?! Морозов невозмутим. Значит, это не шутка.

— Ты знаешь, что станет с картинами через неделю?

— Я не жалею. Каждый день на мои картины будут смотреть дети.

— Эти детки поцарапают их шилом.

— Мы работаем здесь уже второй месяц. Пока ни одной царапины.

— Да? Значит, напишут матерные слова, — не унимался я. — Нос гипсовой скульптуре они уже облупили.

— А разве лучше, если бы картины пылились в моей мастерской? — успокаивает меня Борис.

В том, что облик Преподобного Сергея не был осквернен в «шараге», я нахожу еще одно подтверждение духовного влияния святого на реальный мир, даже через шесть столетий после его смерти.

«Давно ушли князья, татары и монахи, осквернены мощи, а облик жив и также светит, учит и ведет... В тяжкие времена крови, насилия, свирепости, предательства, подлости неземной облик Сергея утоляет и поддерживает. Не оставив по себе писаний, Сергей будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим: одним он утешение и освежение, другим — немой укор. Безмолвно Сергей учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере». (Б. Зайцев. «Преподобный Сергей Радонежский»).

А. КРАТЕНКО.

Загорск — пос. Усть-Таловка.

НА СНИМКЕ: портрет